

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ТОРГОВЛЯ ШЕЛКОМ
в V—VII ВВ.**

Экономическое соперничество государств, борьбу за торговлю тем или иным товаром знала еще древность. Возможность по своему усмотрению располагать ценами на товары, доставлять их на своих кораблях или перекупать их из первых рук в караванной торговле — ставила в особо привилегированное положение то государство, которое могло этого добиться.

Ремесло и торговля, высоко стоявшие в Византийской империи, претендовали на первое мировое положение не только в Средиземноморье, но и в Передней Азии. Чего нельзя было достичь оружием, того добывались дипломатией.

Известно, какую огромную роль в промышленном перевороте, знаменовавшем переход к новому времени, сыграло введение в ткацкое производство хлопка. Но и в античности и в раннем средневековье производство тканей и выделка одежды имели значительный удельный вес в общей экономике. Шерсть, употребление которой знали еще кочевые народы, в руках искусных ремесленников превращалась в тончайшие ткани, готовые хитоны и бурнусы. Льняная ткань служила преимущественно материалом для летней одежды. Шелк с древнейших времен производился в Китае, и способ его изготовления оберегался как величайшая тайна.¹

В эпоху Римской империи произведение китайских рук — шелк стал известен в Средиземноморье. Это была дорогая ткань, кото-

---

¹ История шелка неоднократно была предметом исследования: Mahudel. *De l'origine de la soie. Mémoires de littérature de l'Académie des inscriptions et de belles lettres.* Amsterdam, 1731, v. 7, pp. 354—356.

E. Pariset. *Histoire de la soie.* 2-me édition. Paris, I, 1862; II, 1865.

Silbermann. *Die Seide.* B. I. Dresden, 1897.

O. Falke. *Geschichte der Seidenweberei,* I, II, Berlin, 1927.

рая „ценилась на вес золота“. Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния; о нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары.

В раннем средневековье шелк стал сравнительно распространенным, но оставался все же дорогим и изысканным товаром, как об этом свидетельствует в IV в. Аммиан Марцеллин... „Seres... conficiunt sericum, ad usus antehac nobilium, nunc etiam infimorum sine ulla discretione proficiens“.¹

К концу V в. и до начала VII в. н. э. на Ближнем и Среднем Востоке торговля шелком приобретает особенно большое значение. Она становится одним из руководящих мотивов во внешней политике Византии. В доставке и продаже шелка оказались заинтересованными не только главная соперница Византии — Персия, но и Эфиопия, арабские княжества всей Передней Азии, согды и тюркский каганат. И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который настойчиво стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути. Одна за другой уступили его натиску Петра, центр Набатейского государства (106 г. н. э.), Осроена с большим торговым городом Эдессой (216 г.), и, наконец, была покорена розово-мраморная красавица Пальмира со всей своей обширной областью (270 г.).

С IV в. империя уже непосредственно граничила с Ираном, как в Междуречье, так и на Кавказе. Несомненно, что интересы экономического характера — торговля с Дальним Востоком — были в центре несколько фантастических замыслов последнего язычника на византийском престоле — Юлиана. Неудачный поход 363 г., закончившийся смертью Юлиана, был задуман наподобие экспедиции великого Александра. И не случайно то внимание, которое уделяют торговым связям Византии основоположники марксизма. „Константинополь, это — золотой мост между Востоком и Западом...“² Константинополь — политический, административный, торговый и умственный центр империи — был „огромным торговым рынком“ до того времени, пока не было найдено „прямого пути в Индию“³, и этот огромный рынок среди прочих товаров сосредоточивал и привозимый из Китая шелк-сырец и шелковые ткани, которые отсюда уходили еще дальше на запад.

¹ Ammianus Marcellinus. Historia, 23, 6, 57, ed. Teubner.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Традиционная политика России. Соч., т. IX, стр. 441.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Действительно опорный пункт в Турции. Соч., т. IX, стр. 382.

Торговые пути из Срединной империи во второй Рим шли и сушей и морем. И те и другие приводили к иранским границам. Географическое положение сасанидской державы имело в этом случае все преимущества, так как сухопутные дороги с Востока приводили к ее границам, на западном побережье Индии преобладали ее фактории, а на Цейлоне персидские купцы издавна занимали первые места.

Караванный путь из Китая шел через оазисы Средней Азии. С I в. до н. э. он проходил по северной окраине пустыни Лоб-нор, через Лу-лан; с новой эрой (2 г. н. э.) была открыта „новая дорога севера“, которая прошла через север Турфанского оазиса и надолго сохранила положение главной торговой магистрали.¹ По бассейну реки Тарим, через главные города Согдианы, караваны достигали границ Ирана. Обойти его из Средней Азии можно было только обогнув Каспийское море с севера и, переправившись через Кавказский хребет, доехать до Константинополя. Но этот путь был очень труден, проходил по солончаковым и безводным степям, требовал переправы через большие многоводные реки, и движение по этим местам могло представлять опасность для жизни. К передвижению здесь прибегали лишь в редких, исключительных случаях, здесь не было установившегося, привычного пути, во всяком случае до IX в.

Морским путем, по которому вывозили шелк, были Индийский океан — Эритрейское море, по которому плыли к берегам Индии и на остров Цейлон (Тапробан). Наряду с пряностями, жемчугом, драгоценными камнями отсюда вывозили шелк, доставлявшийся из Китая. В Персидском заливе и Индийском океане персидские корабли господствовали, с ними соперничали только эфиопские суда, поэтому византийские купцы поддерживали постоянные сношения с государством эфиопов. По Эритрейскому морю в их гавани регулярно ходили византийские корабли. Но к Адулу (Adulis), главному порту Эфиопии, был и другой путь, требовавший лишь небольшого переезда из Йемена, на Аравийском полуострове. Из Сирии, через Палестину, Петру, по западному берегу Аравии до его южного мыса тянулся древний „путь благовоний“. Эта караванная дорога сыграла выдающуюся роль в истории, так как она обуславливала южно-арабскую торговлю, упадку которой Маркс приписывал такое исключительное значение в появлении ислама и дальнейших завоеваниях арабов. Из всех этих возможных путей наиболее часто обычно Византия пользовалась посредничеством персидских купцов, приобретая из их рук шелк и шелковые изделия.

¹ Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, I, p. 227, 229, 230. A. Hermann. Die alten Seidenstassen zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Berlin, 1910, pp. 80, 91.

ПРИБРЕТЕНИЕ ШЕЛКА У ПЕРСОВ

На посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук приводило к экономической зависимости, к необходимости подчиняться назначаемым на него ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия. Византия, со своей стороны, стремилась установить определенные цены и взимать соответственные пошлины, для чего обычно назначались определенные города, в которых и находились таможи.

В договоре, заключенном между императором Диоклетианом и шаханшахом Нарсесом в 297 г., местом торгового обмена назначалась Нисибия, „город, лежащий на Тигре“. По сообщению Петра Патрикия,¹ именно этот пункт вызвал более всего возражений со стороны шаха, и только настойчивость посла Сикория заставила его согласиться и на это. Его возражения можно отнести за счет нежелательного стеснения персидской торговли. В последней большая доля приходилась на шелк. Желая сделать подарок императору Феodosию, Шапур III (383—388) послал ему в подарок шелк, считая его большой ценностью.

К 408—409 гг. относится закон Гонория и Феодосия, устанавливающий три пункта таможенного досмотра. Прежде всего это Нисибия, уже упомянутая в договоре 297 г., затем Калиник (Ракка), на левом берегу Евфрата и Артакса — Арташат — на берегу Аракса, в среднем его течении.² Торговля помимо этих пунктов запрещалась.

Длительный период войны между Ираном и Византией в первой половине VI в. прерывал и затруднял нормальный торговый обмен, что не могло не отразиться и на доставке шелка-сырца для византийских мастерских. Повышение цен на шелк вызвало кризис, тем более что с частным ремеслом конкурировали большие государственные мастерские, гинекеи.

Когда в 562 г. был вновь заключен мирный договор между обеими державами сроком на 50 лет, то ряд пунктов этого договора устанавливал таможенные правила, нарушение которых строго каралось. Византийские и персидские купцы получали право провоза товаров через границу в тех пунктах, где находились таможи (п. 3), а именно через Нисибию и Дару (п. 5), где проходил обычный торговый путь, по которому и следовало водить караваны.

¹ Petri Patricii. Fragmentum 14. Fragmenta histor. graec., ed. Müller Parisiis, 1884, IV, p. 189.

² Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930. стр. 40—41.

Всякий обход таможен, проезд с товарами, будь то византийские или персидские, без разрешения правительства подлежал наказанию.¹

Это запрещение простиралось и на арабов и „на торговцев других варварских народов обеих держав“, то есть на находившихся под протекторатом, подчиненных Византии или Ирану „варваров“, купцы которых вели торговлю. Очевидно, арабы и другие варвары не раз пытались провозить товары по обходным путям.

Договор устанавливал также правила возмещения убытков отдельным лицам и целому городу, потерпевшим от подданных другого государства. Убытки и потери, о которых идет речь, причинены „не по праву войны или военной силой, а некоей хитростью и покражей“ — ἄλλως δὲ δόλω τινὶ καὶ κλοπῇ. Они нанесены, следовательно, в торговых делах, которые велись обманом и хитростью. Дело о нанесении убытка одному лицу решалось в присутствии официальных лиц обоих государств, в пограничных пунктах. Потери, нанесенные целому городу, обсуждались судьями (δικασταί), которых государства посылали на границу. Неудовлетворительное решение кассировали, оно подлежало рассмотрению „стратига Востока“, — наконец, обиженная сторона имела право делать представление царю обидевшей их стороны. Не получив удовлетворения, обиженные могли считать мир нарушенным,² casus belli был налицо.

Караванная торговля неизбежно создавала крупные торговые операции, которые производились в пограничных городах, на сезонных и годовых ярмарках; кражи и хитрости были обычным явлением и затрагивали интересы не только отдельных лиц, но и целых городов.

Правом беспошлинной торговли, и притом не в каком-либо определенном городе империи, пользовались „дослы и следующие на казенных лошадях для оповещения“. Они имели право рассчитывать на соответствующее внимание и заботу, а также торговать привезенными с собою товарами беспрепятственно и беспошлинно.³ Но это не должно было принимать слишком длительного характера. Если они оставались на долгое время в какой-либо провинции и, следовательно, могли вести длительно свою торговлю, то им предлагали подчиниться общим правилам и не злоупотреблять своим положением.⁴ Неприкосновенность имущества послов и посланцев

¹ Menander. Fragmenta histor. graec., IV, p. 292; Excerpta historica iussi imp. Const. Porphyrog. Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor., Berolini, 1903, v. I, pars I, p. 180.

² Ibid., p. 213—p. 181—182.

³ Ibid., p. 212—p. 180. K. Güterbock. Byzanz und Persien in ihren diplomatischvölkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berlin, 1906, pp. 77—80.

⁴ Cod. Justin., IV, 63, 4.

из другой страны была древним обычаем, одинаково принятым как на Западе, так и на Востоке. Беспешинная покупка и продажа практиковалась послами, и Луитпранд в X в. получил разрешение приобрести разные сорта шелка, в том числе царского пурпурового, и вывезти их из Константинополя.

Посольству Маниаха от согдов в конце VI в. тоже было разрешено ввезти в столицу и продать большое количество шелковых тканей.

Договор 562 г. входит в подробности, имеющие большой интерес для выяснения формальной стороны заключения дипломатических соглашений с Византией. Он был заключен сроком на 50 лет, причем было оговорено, что „по древнему обычаю“ год должен содержать 365 дней. После ратификации договора цари обоих государств обменялись грамотами договора (*σάγραι*). Грамоты были вписаны еще в две книги, причем тщательно выверяли точность перевода и по форме и по смыслу. Подлинные грамоты были свернуты, и к ним были приложены печати на воске.¹ Текст договора был составлен на двух языках — по-гречески и по-персидски — при участии двенадцати переводчиков, шести персов и шести ромеев. Экземпляр договора на персидском языке был отдан византийскому послу Петру, а на греческом языке был выдан Петром персидскому послу.² Персидский посол, кроме того, взял экземпляр на персидском языке, не скрепленный печатями, византийский посол взял греческий экземпляр без печатей.

Несмотря на соблюдение всех сложных формальностей, договор этот был нарушен задолго до истечения его срока. Император Юстин II отказал персам в дотации. В то же время византийская дипломатия деятельно искала новых путей и соглашений за пределами Персии, поддерживала и прямых ее врагов тюрков и соперников в торговле — согдов.

ПРОИЗВОДСТВО ШЕЛКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В ВИЗАНТИИ

Настойчивость, с которой Византия стремилась приобретать шелк, изыскивая пути к его получению на море и на суше, была бы непонятна, если бы согласное свидетельство письменных и археологических источников не указывало на широкий расцвет ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей. Если охотно приобретались готовые шелковые ткани и одежды

¹ Menander. *Fragmenta histor. graec.*, IV, p. 213—214; Const. Porphyrog. *Excerpta*, v. I, pars I, pp. 182—183.

² Ibid.

vestis serica vel subserica,¹ то еще больше требовалось шелка-сырца, μέταξα, обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя.

Наиболее древним археологическим свидетельством о производстве шелка в областях, принадлежавших империи, являются шелковые ткани, найденные в Египте в погребениях Антинои. Большая часть из них представляет собою узорчатые украшения, полосы и полукруга из шелка, которые нашивались как украшения вокруг ворота, и застежки льняной одежды, следовательно были рассчитаны на небогатые слои населения. Что в этом случае мы располагаем местным производством, явствует из того, что в других погребениях Египта такого типа текстиля не найдено. Этот шелк вырабатывался не только в Египте, но и в самой Антиное, так как рисунки на шелковых тканях повторяют изображения найденных в той же Антиное шерстяных тканей.²

Наиболее старые образцы шелкового текстиля Антинои относятся к IV в. н. э., они повторяют мотивы рисунков с тканей, изображавшихся на древнегреческих вазах еще в V и IV вв. до н. э. Но в дальнейшем на шелке расцветает вся красочная флора Африки, а также появляются тонконогие ибисы и тяжелые декоративные слоны. Некоторые образцы повторяют древние классические и мифические мотивы, — например, зеленая шелковая ткань с nereidami или изображенные в стремительном движении менады на красном фоне. Встречаются и иллюстрации к библейским рассказам, как к истории Иосифа-прекрасного, которого братья продают в рабство. Поражает большое разнообразие рисунков и привлекаемых мастерами тем.

Выдающийся интерес представляют коптские ткани, найденные в Верхнем Египте, близ города Понополиса, в погребениях селения Ахмим. В найденных здесь шелковых тканях часто встречается вытканное имя Захарии (в родительном падеже Ζαχαρίου), изредка имя Иосифа. Это имена мастеров, которые ставили свое имя на художественных образцах, выходявших из их рук. У первого преимущественно даны растительные мотивы, в частности листья с загнутыми концами, обычный мотив на александрийских тканях VI в. К этому времени и следует отнести работы ткача Захарии. В Антиное греческое шелковое производство гложет в VII в., коптские мастерские Ахмима продолжают существовать и после арабского завоевания. Одна из сохранившихся шелковых полос (*clavus*) повто-

¹ Cod. Theodos., L. 16, § 7. D. de publicanis, 39, 4.

² Falk e. Kunstgeschichte der Seidenweberei, Berlin, 1921, p. 4.

ряет образцы рисунка, вытканного Захарией, но имеет арабскую надпись куфического типа.¹

К началу V в. в Александрии была гинекея, т. е. императорская мастерская, в которой ткали шелковые ткани, как в гинекеях Константинополя, Кизика и Карфагена. В арабское время работа александрийских мастеров продолжается. В VIII и IX вв. шелковые ткани, которыми украшали храмы, по свидетельству *Liber pontificalis*, поступали главным образом из Александрии. Александрийская мастерская имела свою излюбленную гамму цветов, по которой можно безошибочно определить ее изделия.

В империи образовались и другие центры производства шелковых тканей. В приморские города Сирии шелк-сырец доходил морем. Его доставляли из Индии на эфиопских кораблях в Адулис, а отсюда по Красному морю его подвозили в гавани, откуда переправляли уже сухим путем. Караванные дороги из Средней Азии, через Персию к Средиземному морю, также кончались в Сирии. Здесь (еще в первых веках н. э.) и возникли многочисленные прядильные и ткацкие мастерские, где шелк-сырец превращался в тонкие нити, окрашивался. Затем в искусных руках нити превращались в чудесные ткани, шивались и поступали в виде готового платья на рынки всего Ближнего Востока и далее на Запад.

Еще в кодексе Феодосия фигурируют *metaxa*, *vestis serica vel subserica*, *nema sericum*. *Metaxa* представляет собою шелк-сырец. *Nema sericum* — это крученая нить (*filirte Seide*). Сучили нити по преимуществу в Бейруте, Тире, Сидоне, где, благодаря положению приморской Сирии, широко развилось это ремесло. *Vestis serica*, т. е. шелковая одежда, ценилась особенно дорого. *Subserica* представляла собою особую ткань, основой которой была шелковая нить, а заткана она была золотой нитью, — это и было неким видом парчи. Производству шелковых тканей способствовал и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения пурпуровой краски.

Прокопий Кесарийский пишет: „Платья из шелка-сырца в Берите (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выдělывались издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники (*ἐμποροὶ τε καὶ ἐπιδημιουργοὶ καὶ τεχνῖται*), отсюда этот товар распространялся по всей земле“.²

Раскопки не дали таких образцов шелка в Сирии, как в Египте, но во всяком случае ряд мотивов, сохранившихся на тканях;

¹ Falke. *Kunstgeschichte*, fig. № 39.

² Procopius *Caisariensis*. *Historia arcana*, cap. 25, ed. Haury. Berlin, 1905, v. III, p. 155.

представляет, по мнению искусствоведов, образцы, вшедшие из рук мастеров Сирии и Месопотамии.

Если верить Масуди (1, 124), то производство шелковых тканей в Персии ввели при Шапуре II (309—379) греческие мастера, взятые им в плен и насильственно переселенные.¹ Но много вероятий, что и до этого времени персидские ткачи обрабатывали шелк. И ничто так ярко не говорит о взаимном влиянии и обмене, как иные шелка — будет ли это изображение охоты царя или конного всадника, который стал известен греко-римскому миру со времен мидийских царей, в своей то „сасанидской“, то „византийской“ трактовке. Еще характернее другой вид александрийского шелка с изображением квадриги. В одном случае эта тема получает трактовку в чисто византийском стиле и относится к середине VI в. (ткань из Аахена). В другом случае та же квадрига мчится, управляемая солнечным божеством персов Митрой.² Образцы шелковых тканей VI в. говорят о высоком художественном качестве ткацких работ, раскраски, рисунка.³

Проникновение тех или иных влияний, их переработка и рождение нового стиля в искусстве прекрасно охарактеризованы Стржиговским, который пришел к заключению, что своими яркими красками и многими изображениями константинопольский храм Софии обязан месопотамским, египетским и персидским мотивам, запечатленным в шелках.⁴

Торговля шелком, как и готовыми шелковыми изделиями, была подчинена общим правилам и законам Византийской империи.

Специальные императорские мастерские — гинекеи работали на удовлетворение нужд константинопольского двора. Окрашенный в особые цвета шелк считался прерогативой царской семьи, поэтому в кодекс Юстиниана вновь вошел рескрипт на имя „коми́та царских щедрот“, изданный еще императорами Грацианом, Валентинианом и Феодосием, которым запрещалось окрашивать шелковые и шерстяные ткани (*vel in serico, vel in lana*) в пурпуровые или фиолетовые цвета определенных оттенков, известных под названием *blatta*, *oxyblatta* и *hyacintina*.⁵

При продаже привозных товаров в Византии полагалось уплачивать пошлины, носившие названия *vestigalia* или *χομμερία*. Они

¹ J. Strzygowsky. Seidenstoffe aus Aegypten. Jahrbuch der K. Preussischen Kunstsammlungen, Bd. 24. Berlin, 1903, S. 153.

² Falke. Kunstgeschichte, p. 10; Abbildungen, № 45, 52.

³ Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 585, illustr.

⁴ Strzygowsky. Seidenstoffe, p. 153.

⁵ Cod. Justin., IV, 10, 1.

взимались в пограничных городах, но иногда их брали и в других пунктах, в предѣлах самой империи. Кроме того, была виртуозно разработана система дорожных и почтовых пошлин (*portoria*), бремя которых купцы умело перекладывали на плечи потребителя. Дополнительно взимались суммы за право торговли на рынке — это были *pundinae* или *πυνήγυρεῖς*.¹ Размеры взимаемой пошлины были не всегда одинаковы, издавна она составляла 12,5% — *octavorum vestigal*, т. е. восьмую часть от 100.² Выше этого запрещалось брать на товары какую бы то ни было пошлину. При Юстиниане процент был снижен до 10, отчего и таможня носила название *δεκατευτήριχ*.³ Взимались пошлины и налоги сборщиком, мытарем, называвшимся *τελώνης*, или *publicanus*. Иногда это дело вели государственные чиновники, непосредственно ведавшие сбором пошлин и налогов с торговли. В ряде случаев это были лица, бравшие на откуп этот сбор.⁴ Пошлины очень строго и точно взимались с разного рода шелковых изделий и шелка-сырца.

Ведал всеми делами торговли и взиманием пошлин *comes sacrarum largitionum*, имевший своих подчиненных *comites largitionum* и *comites commerciorum* во всех диоцезах. Впрочем, *comes commerciorum* имел еще особые полномочия, как это выясняется на основании рескрипта императора Феодосия I (379—395) на имя Кариобанда, дукса Месопотамии. В этом рескрипте подтверждается запрещение покупать шелк у „варваров“, т. е. персов, кому бы то ни было помимо *comita — comparanti serici a barbaris praeter comitem commerciorum*.⁵ Другой рескрипт запрещал принимать у себя *peregrinos negotiatores*, т. е. приезжих торговцев или путешествующих с караванами, без согласия или ведома того же *comита*.⁶ В этих постановлениях нельзя, однако, еще видеть явлений государственной монополии, она была введена уже в VI в. при Юстиниане и привела к тяжелым результатам. Введенная им монополия на шелковые товары, как и другие монополии, оказалась глубоко ошибочной государственной политикой, так как она привела к жестокому разорению приморских городов Сирии, обнищанию населения, ослаблению торговых связей. Области Сирии поэтому легко перешли в руки персов, а затем арабов.

¹ Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung Justinians über die Seidenhandel Mémoires de l. Ac. Imp. des sciences de St.-Petersbourg, VII série, t. IX, № 6 (1865), p. 6.

² Cod. Justin., IV, 61, 7.

³ Procopii. Anecdota, 25, ed. Haury, v. III, p. 156.

⁴ Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung, p. 6.

⁵ Cod. Justin., IV, 40, 2.

⁶ Ibid., IV, 40, 2; IV, 43, 6.

Особенно подробно на кризисе производства и торговли шелком останавливается Прокопий Кесарийский. Персидские кушцы, пользуясь своим положением монопольных посредников и осложнением взаимоотношений Ирана и Византии, повысили цены на шелк, вследствие чего возросли цены и на выделанные ремесленниками Византии шелковые товары. Другой причиной повышения цен было увеличение числа пунктов, в которых взимались пошлины, т. е. таможен, в которых отчисляли десятую часть стоимости товара (*δεκατευθρία*).

Установление строгого контроля над привозимыми в столицу товарами ставило в тяжелое положение торговый флот. Поставленный во главе контроля сириец Аддай вынуждал моряков (*ναυκληροί*) выплачивать пошлину, равную цене товаров, привозимых на их кораблях, или требовал, чтобы они доставляли товары в отдаленные области — Ливию или Италию. Эти требования приводили к разорению торговцев-моряков. Одни из них прекращали торговлю, сжигали свои корабли, другие непомерно повышали цены на товар, перекладывая всю эту тяготу на потребителя.¹

Введенные Юстинианом монополии (*μονοπώλια*) были губительны для торговли, так как государственный аппарат не мог обеспечить необходимое сырьё для частных мастерских. В частности, в вопросе о продаже шелка меры, принимаемые правительством Юстиниана, сводились к возможному удешевлению цены на шелк-сырец, но цели этой они не достигали. Постановление 540—547 гг., найденное Цахариз фон Лингенталем, стремилось парализовать возможность для персов повышать продажную стоимость шелка-сырца. Поэтому предписывалось коммеркиарию покупать его по установленной цене (по 15 золотых номисм за литру — 400 граммов) и по этой же цене продавать его торговцам метаксариям.² Торговля шелком должна была происходить открыто, с ведома префекта города, и ни в каком случае не бесконтрольно или из-под полы. Особых уточнений относительно цены изделий из шелка не делалось, но она должна была исходить из цены на шелк-сырец и соответственно ей (*κατὰ ταῦτα*) нарастать. Комит царских щедрот, в ведении которого находились царские мастерские для прядения и тканья шелка, получал сырец непосредственно из рук коммеркиария, поэтому цена на изделия из шелка уже не могла особенно интересовать царское хозяйство, а поэтому на нее и не давалось указаний.

Торговцы шелком или ремесленники имели право привлекать к ответственности коммеркиария в случае, если он продавал

¹ Procopii. Anecdota, 25, p. 154.

² Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung, p. 13—14.

им купленный у персов шелк-сырец по повышенной цене. Постановление, сосредоточивая покупку сырца у государственного чиновника, коммерциария, устраняло конкуренцию и тем самым получало шансы на не слишком завышенную цену. К сожалению, резкое расхождение цены на сырец в Бодлеянском фрагменте и у Прокопия не позволяет установить ее хоть с относительным вероятием, но другая расценка дает примерно вероятную цену на окрашенный шелк. Комит царских щедрот Петр Барсима (вероятно Бар Саума), сириец, продавал за 6 золотых унцию крашеного шелка. Исходя из этого, цену килограмма шелка следует считать 5157 франков, т. е. 2063 франка за 400 граммов (фунт) и, следовательно, около 687 рублей за фунт (при франке равном 30 коп).

Для общего положения империи в середине VI в. и затруднений в финансовой политике характерно еще одно. Золотая монета *ϕόλλισμα* или *στατῆρος* обычно не имела широкого хождения. Разменной монетой был *ὀβολός* или *φóλλις*, на который и расценивались продукты питания и другие мелкие расходы трудового населения. До времени Юстиниана золотой разменивался на 210 фоллов, с его времени статир равнялся лишь 180 фоллам. Такое изменение отразилось, главным образом, на низших классах византийского общества, которые теряли на размене, так как всякого рода покупка и продажа на рынке происходила на мелкую, разменную монету.¹

Резкое изменение стоимости золота не могло не отразиться и на всяких ценах, в том числе и на расценке шелка-сырца и изделий из шелка.

В результате всех этих причин в Бейруте, Тире и других городах, в которых было сосредоточено производство шелковых изделий, торговцы и ремесленники оказались в величайшем затруднении. Они стали продавать шелковую одежду своего изделия по более высоким ценам, в зависимости от цены на сырец, но тогда был издан закон, запрещавший продавать эту одежду дороже определенной цены. Купцы, приобретавшие товары по более высоким ценам, вынуждены были торговать в убыток. Некоторые стали сбывать свой товар из-под полы, но жестоко за это платились: по распоряжению Феодоры у них были отняты товары и наложен на них большой штраф.

Но особенно пострадали ремесленники упомянутых городов Сирии, „простой народ“, который трудился над „ручной работой“. Они обнищали и, обреченные на голодную смерть, вынуждены

¹ Malalas. Chronographia, Bonn, 1831 486, 19.

были просить подаяния. Часть из них переселилась в Иран, где их ремесло могло найти применение.¹ Пострадали и те торговцы, которые занимались провозом по морю и доставкой шелка и шелковых изделий (θαλαττοῦργοι τε καὶ ἔγγυοι), их дела приняли дурной оборот.² Другиe источники также подтверждают сообщаемые Прокопием факты разорения торговцев (ἐμποροὶ) этих городов, хозяев мастерских (ἐπιδημιουργοί), наконец, самих ремесленников (τεχνίται).

Потребность константинопольского двора в шелковых тканях была так велика, что побудила правительство основать в столице собственные царские мастерские, к которым были прикреплены целые семьи рабов, образовавших специальные коллегии — гинециариев, гупаесиагii. Законом 426 г. строжайше запрещалось освобождать членов этой коллегии, они были прикреплены к бафиям и гинекеям, в которых работали. Подневольные условия труда заставляли бежать от этих обязанностей как рабов, так и свободных. Особая квалификация и высокая техника, которой владели текстильщики и красильщики, доставляли им широкую возможность заработка. Специальные законы запрещают предоставлять убежище и укрывать беглых рабов из царских текстильных мастерских (textriini postri mancipia), как и кого-либо из скрывающихся членов семей, работающих в гинекеях (aliquam ex familiis gynaecii).³

Таково было положение в IV в., когда издавались эти законы, и если к VI в. в составе работавших в царских мастерских и могли произойти изменения и рабов заменили полукрепостными или относительно свободными людьми, то во всяком случае сохранение этого закона во втором издании кодекса Юстиниана говорит о его значении и в VI в. Общая тенденция этого законодательства прикреплять, закрепощать и усиливать формы рабовладения и прикрепления не могла не сказаться и в этом частном случае.

ВИЗАНТИЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ КАВКАЗА

Выдающееся торговое значение Кавказа в значительной мере и было причиной того, что он являлся яблоком раздора между Византией и Ираном. Этническая его раздробленность способствовала тому, что отдельные территории могли попадать в руки более предприимчивых, активных и мощных его соседей.

До времени арабского завоевания византийские хроники и законодательство пестрят упоминаниями различных городов Закавказья, особенно Армении. В частности, в IV в. Артакса —

¹ Procopii. Anecdota, 25, p. 157.

² Ibid.

³ Cod. Justin., XI, 7, 6; XI, 7, 5.

Арташат — столица Аршакидской Армении, упоминается как центр, в котором официально была допущена торговля империи с персами¹. В настоящее время установлено и местонахождение Артаксы на левом берегу Аракса в среднем его течении. Особого значения достигает Арташат в первой половине IV в., до походов Шапура II, в 364—367 гг. н. э. С 428 г. политическим центром Армении становится соседний Арташату Двин, на который часто переносится это старое название. В арабское время Артакса была загородным местом при Двине, вероятно играла роль раббата, судя по тому, что арабские источники называют его „городом красильщиков“.² *Tabula Peutingeriana*, составленная во второй половине IV в. н. э., дает представление о многочисленных дорогах Армении, в частности тянувшихся из Арташата-Двина в Иверию к Армастике и Тфилиде, на восток к городам Аксарпорти и Аквидеи, а на запад к Севастополю (Фазис) у впадения реки Фазиса-Риона в Черное море. Развитые торговые связи Армении характеризует в своих трудах академик Я. А. Манандян, уделяя особенно много внимания итинерариям и исторической географии.³

Культурное влияние Закавказья на всю Переднюю Азию давно дебатруется на страницах искусствоведческих журналов. О ведущей роли Армении в зодчестве особенно много писал Стржиговский, и совсем недавно с новыми данными и большим исследованием в этой области выступил академик И. А. Орбели.

Эти факты общего характера превосходно объясняют, почему соперничество и борьба между Византией и Ираном неизбежно перекидывались в Закавказье. Часть Армении, находясь в орбите персидской державы, имела постоянные связи с той частью, которая была присоединена к империи, — этим в полной мере обеспечивался быстрый торговый обмен. Всякий раз, когда экономическая борьба между двумя державами переходила в войну, Армения втягивалась в нее или становилась полем военных действий.

Торговые пути через Армению, возможность получить через ее посредство наряду с другими товарами и шелк несомненно играли значительную роль в тех дипломатических сношениях, которые налаживала Византия. Известны многочисленные описания богатства, изделий и товаров в городах Закавказья. Чисто экономические

¹ Cod. Justin., IV, 63,4.

² С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. Вестник древней истории, 1939, № 1 (6), стр. 83.

³ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань, 1930; его же. Древние пути Армении (на арм. языке), Ереван, 1932; его же. Главные пути Армении по Пейтингеровой карте. Ереван, 1936.

интересы империи совершенно очевидны в инцидентах середины VI в. с цанами (лазами), о которых рассказывает Прокопий Кесарийский, где введение монополии тяжело легло на местный обмен и торговлю.

Но особенно существенно, что Византия намечает возможности своего влияния в Причерноморье и на Северном Кавказе. Одним из ее испытанных политических приемов была христианизация. Один из гуннских князей, Грод, правивший в Босфоре, на побережье Черного моря, принял в 534 г. крещение. Но его смелая попытка вызвала, возглавленное его братом Маугером, восстание гуннов, в результате которого он был свергнут.

Известен и другой факт, связанный с попытками Византии утвердить свое влияние на Северном Кавказе, — поддержка, оказанная ею христианизации гуннских племен, начатой одним из представителей Албании (Армении).¹ Эти племена, населявшие Прикаспийские области Предкавказья, были в состоянии кочевом или полукочевом; так, Захария Митиленский говорит, что у них нельзя было найти „покойного местопребывания“. К этим гуннам был послан из Византии посол Пробос, который „пришел с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с народами“. Вербуя наемников для войска, Пробос в то же время сделал ряд шагов для укрепления христианства и заключения дружественных сношений с этими племенами. Насколько дальнорочка была эта политика, видно из того, что лет через 30—40 византийские послы в Среднюю Азию попытались вернуться оттуда, обогнув с севера Каспийское море. Они везли с сопровождавшими их согдами большие количества шелка. Достигнув областей Северного Кавказа, посольство могло рассчитывать на дружески расположенных к ним гуннов.

Вообще же путь этот через Северный Кавказ и северное побережье Каспийского моря в Среднюю Азию, представлявший большие опасности, не был привычным.

ВИЗАНТИЯ, ЭФИОПЫ И ХИМЬЯРИТЫ

В древности и раннем средневековье Эфиопия занимала положение мощной торговой державы. Центр ее Аксум был соединен специальной дорогой со своей гаванью Адулум, который был одним из самых больших торговых рынков Ближнего Востока. Эфиопия вела, главным образом, посредническую торговлю. Она скупала

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, Л., 1941, стр. 85—87.

и обменивала товары Центральной Африки, которые доставлялись на восточное побережье. Одним из предметов вывоза была слоновая кость,¹ то есть бивни африканских слонов. Систематически, из года в год, эфиопы вели торговлю с „ладонской землей и землей Сасу“, расположенными на берегу океана, южнее их границ. Особенно выгодно было вывозить отсюда золото, которого было большое количество.² На обмен из Эфиопии вывозили „быков, соль и железо“. Большую часть товаров составляли также пряности (*ἡδυσμα*), ладан, казия — благовонная кора касийского лавра, тростник (*κάλχμος*). Торговый флот эфиопов доставлял и вывозил разные товары на Аравийский полуостров, в Персию, в приморские гавани Индии и Цейлона.³

В первой четверти VI в. при Юстине I (518—527) Византия особенно сильно чувствовала свою зависимость от персидской торговли. Шелк-сырец, доставлявшийся персами, обходился очень дорого; непомерно повышались из-за этого цены и на выделанный из шелка товар, что ставило под угрозу работу мастерских в Византии. Необходимо было искать новых возможностей для доставки этого драгоценного сырья.

С южной Аравией Византию связывали не только морские, но и караванные пути. В Йемене тогда утвердилось государство химьяритов, с которым, как и с арабскими шейхами, вдоль всего „пути благовоний“ Константинополь поддерживал постоянные дипломатические отношения. Из Йемена корабли шли в Адул эфиопов, откуда снаряжались караваны судов на юго-восток Африки, на Малабарское побережье Индии и остров Цейлон.

В конце V в., лет за 25 до того, как в Эфиопию приезжал Козьма Индикоплов (522), там путешествовал византийский купец Сопатр. На острове Цейлоне он попал в атмосферу соперничества с персидскими купцами, которые господствовали во всех гаванях Индии и закрыли их для непосредственной византийской торговли. Своим остроумием Сопатр парировал их претензии перед царем Тапробана, его даже почтили, „посадив на слона“, и провезли по городу „с тимпанами“ и „великой честью“. Но господство в торговле попрежнему оставалось за иранскими купцами, да отчасти за эфиопскими мореплавателями. При таком положении Византии особенно приходилось дорожить дружбой с химьяритами и эфиопами.

¹ Cosm. Indicopl. P. Gr., 88, col. 449.

² Cosm. Indicopl., col. 100.

³ Cosm. Indicopl., col. 97; O' Leary de Lacy. Arabia before Muhammed. London, 1927, p. 115—118.

Для византийской дипломатии характерно, что три поколения одной и той же семьи — дед Еупор, его сын Авраам и внук Нони последовательно выполняли поручения Анастасия, Юстина, Юстиниана. Их миссия касалась мелких государств Передней Азии, которых империя мастерски умела держать в руках, ссорить, мирить, одаривать, обманывать, — империя, о которой один из тюркских каганов непочтительно говорил: у ромеев десять языков и ни одного слова правды. Династия дипломатов, начинавшаяся с Еупора, вела переговоры с арабскими племенами кинди, маадеями, арабами Хирты, химьяритами, эфиопами. Византия ценила и в этом случае традиции, живую передачу нарыков, связей, опыта, знание языка и людей из поколения в поколение.

Если с эфиопами Византии удалось занять устойчивое положение, то в Иемене ей постоянно приходилось сталкиваться с иранским влиянием. Еще в конце V — начале VI в. шах Кавад „криводушествовал“ и затруднял византийскую торговлю с химьяритами, в которой шелк играл далеко не последнюю роль. Ибн-Халдун о зу-Иле (конец III, начало IV в. н. э.) сообщает, что „он был первый из царей Иемена, сделавших набег на Рум, и первый, кто ввел шелк и парчу“.¹

Эфиопы еще в V в. подчинили Иемен, назначили туда своего ставленника и держали химьяритов под контролем, от которого последние стремились освободиться. В экономических причинах эфиопо-химьяритских войн в первой четверти VI в. не приходится сомневаться. Конкурирующие и борющиеся силы представляли сложный клубок отношений.

На всем протяжении пути из Палестины в Южную Аравию, по побережью были расположены многочисленные и богатые иудейские колонии. Они и были здесь движущей силой, до того как в VII в. арабы заняли доминирующее положение. Часть химьяритов, связанная с этими колониями традиционной торговлей и поддерживаемая Ираном, стремилась сбросить эфиопское господство. Иран не желал уступать Византии возможности торговых сношений в Индийском океане и поддерживал враждебные эфиопам группировки химьяритов, так как за спиной торговой африканской державы стоял Константинополь.

Один из химьяритских царей, торжественно именующих себя в надписях „царями Саба и Химьяра“, имя которого традиция варьирует, в 519 г. захватил византийских торговцев, убил их и ограбил все, что у них было, „ибо торгующие ромей проезжают через

¹ Z. D. M. G., B 31, p. 77.

Химьяритию в Аксум, внутренние области Индии и Эфиопию".¹ Эти враждебные действия вызвали протест царя Аксума Элесбоа: „Ты вредишь моему государству и внутренней Индии, препятствуя ромейским купцам, едущим к нам“.² Но его уговоры и организованная им экспедиция против химьяритов не имели длительного успеха. Химьяритский царь Мазрук зу-Нуvas уничтожил часть враждебной торговой знати, ориентированной на Эфиопию и Византию, а потому и принявшей христианство. Сам Мазрук опирался на торговые связи с иудеями и на симпатии персов.

Война Эфиопии против химьяритов была результатом сложнейших и тончайших дипломатических действий Византии. Не только туда был послан представитель Константинополя, но император вошел в сношения с Александрийской патриархией, с тем чтобы отсюда было дано соответствующее указание и оказано воздействие по церковно-политической линии, так как эфиопская церковь была подчинена Александрии. Помимо того, правительство Юстина I оказало поддержку монофизитским кругам на своей восточной границе, и Симеон, епископ Бетаршамский, пламенный сторонник монофизитской доктрины, соответственным образом информировал большим посланием весь Ближний Восток, требуя поддержки химьяритов-христиан. В Хирте Наамановой, центре арабской династии лахмидов, находившейся под персидским протекторатом, представитель византийской дипломатической службы Авраам, упомянутый Симеон Бетаршамский и Саргис Русафский в 525 г. одинаково стремились склонить иранских арабов к поддержке византийских и эфиопских интересов в Йемене.

Для похода из Эфиопии была использована сборная флотилия, в которой нашлось место и греческим кораблям. Успешный поход Элесбоа и победа над химьяритами побудили его еще теснее связать свою судьбу с Византией, и христианство стало официальной религией Эфиопии. Как и в других странах, греки сохранили для совершения богослужений язык обращенных.

Господство Эфиопии над Йеменом (с 525 г.) продлилось на этот раз не более 50 лет. Ставленник негуса не всегда выполнял свои обязательства, временами возникали междоусобия. Для Византии этот период сводился к дальнейшему сближению с химьяритами. В частности Табари сообщает о постройке великолепной церкви в Санаа, для которой были присланы византийские ремесленники, украсившие ее мозаиками и мрамором. Абраха вел активную

¹ Theoph. Chronographia, ed. de Boor, 1888, p. 223.

² Ibid., p. 223.

внешнюю политику, совершил поход против арабов Мекки и Каабы, о чем упоминает и Коран, называя его войска „людьми со слонами“.

Враждебная Эфиопии группировка химьяритов пыталась искать покровительства у Ирана. Хосрой Анушерван не считал нужным давать им войска, но согласился дать им 8 судов, на которые были посажены 800 человек, выпущенных из тюрьмы. Насколько это предание соответствует исторической истине, сказать трудно, особенно нельзя доверять цифровым данным Хишама у Табары.¹

Во всяком случае, Вахриз с персидскими войсками оспаривал Иемен у Эфиопии. Византия оказывала всяческую поддержку своей союзнице. Магистриан Юлиан привез Хариту царские грамоты (сакра) и дары, соглашение было достигнуто, и Эфиопия, направив сначала отряды из подвластных ей арабских племен, двинула затем свои собственные войска.² Юлиан, в качестве византийского представителя, сопровождал их в походе.³ Победа оставалась за персами. Вахриз был назначен правителем Иемена, а после второй его экспедиции, когда был смещен химьярит Сайф-ибн-Абу Мурра из рода зу-Язан, сын Вахриза занял положение персидского Марзбана в Иемене.

Так кончилась попытка Византии упрочить свои торговые связи в Иемене. Чтобы соперничать в Индийском океане с персами, Эфиопия также не была достаточно сильна. Византийской дипломатии приходилось продолжать свою ловкую политику с различными арабскими шейхами и мелкими государствами, которые участвовали в караванной торговле и способствовали, в частности, перевозке шелка. Перед ней стала и другая задача — минуя Иран, попытаться связать себя с государствами Средней Азии и так получить в свои руки необходимое сырье.

ВИЗАНТИЯ И АРАБЫ

На караванных путях между Византией и Ираном, Византией и Иеменом находились многочисленные полукочевые арабские племена, принимавшие самое деятельное участие в торговле, охране и погрузке караванов. В Сирии и Палестине приходилось вести борьбу словом и оружием с арабами-скинитами. В конце V в. дукс Палестины Роман разбил двух шейхов Хатира-ибн-Талаба и Габалу, разорявших Палестину. Кроме того, он захватил остров Йотабу, в самом „чреве“ Эритрейского моря, благодаря чему ромейские купцы получили возможность селиться на нем, устроить фактории и кладовые

¹ Th. Nöldöcke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, p. 230.

² Malalas, p. 459.

³ Theoph., p. 244—245.

для товаров, поступавших из Индии, а пошлина, взимаемая в Иотабе, поступала императору.¹

Несколькими годами позже с Хатиром был заключен договор, согласно которому „Палестина, Аравия и Финикия наслаждались покоем и миром“.² Население именно этих приморских областей занималось издавна в городах ремеслами и нуждалось в спокойствии, необходимо было также и создание безопасного торгового пути. Договор этот был заключен Нонном, внуком и сыном двух других византийских дипломатов. Но в 528 г. (2-й год правления Юстиниана) дукс Палестины при поддержке византийских войск других соседних областей разгромил шейха Мундара (Аламундара), который должен был спастись бегством. Он устремился εἰς τὰ Ἰουδαῖα μέρη, под которой следует понимать Эфиопию (смещение допущено Малалой). Это лишнее указание на тесные прямые связи арабов Сирии с Йеменом и Эфиопией. В руках скинитов было много товаров, скопленных ими в торговле. Когда были захвачены скот и палатки лагеря Мундара, в добычу византийские войска получили πολλὴν μέταξιν καὶ ματισιμόν,³ т. е. множество шелка-сырца, и готовой одежды. Если относительно происхождения одежды можно еще высказать предположение, что она выдывалась в приморских городах Сирии, как на это могут указывать некоторые другие данные, то шелк-сырец был, конечно, товаром, привезенным либо из Индии, если караван доставил его из Йемена, либо из Китая, если он был доставлен „от персов“. Отец упомянутого Нонна, Авраам, имел от правительства Юстиниана дипломатическое поручение к шейху „наиболее замечательных арабских племен — маадеев и кинди“. Каис согласился на заключение договора и в заложники Византии дал своего сына Мавию, который был поставлен ко двору.⁴ Этим договором были сглажены пути для византийских караванов в средних областях Аравии. Но вскоре встала новая задача. Константинополь считал желательным передать филархию арабов-скинитов в другой род. После того как Мундар был разбит, наиболее подходящим кандидатом представился Каис. И вот Нонну, сыну Авраама, поручено было убедить Каиса приехать в византийскую столицу. Нонну удалось успешно выполнить задание. Каис прибыл и согласился на важное для Византии предложение. Он собственную филархию τὴν ἰδίαν φιλαρχίαν, т. е. маадеев и кинди,

¹ Theoph., p. 141; Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36. ed. by Bidez and Parmentier. London, 1889.

² Theoph., 179; Malalas, p. 434.

³ Ibid.

⁴ Nonnos. Excerpta, ed. Dindorfii. Bonn, p. 479.

которыми он правил, разделил между двумя своими братьями, Амбром и Язидом. Обращает на себя внимание факт наследования братьями, а не сыновьями в арабском роде, на что мною уже было указано.¹ Каис стал во главе палестинских арабов, „приняв от царя власть над ними“. Его эгемония едва ли носила мирный характер. Каис привел с собою значительное число воинов, из тех племеч, которыми он правил,² с их помощью он и стал держать в подчинении своих палестинских сородичей.

Так действовала Византия, чтобы добиться спокойствия на тех путях, где она провозила товары, из которых в то время наиболее существенным был шелк-сырец.

К последнему десятилетию VI в. империя вновь стояла перед вопросом, где его приобретать, так как персы захватили Йемен; непосредственный обмен с теми же персами на границе в Месопотамии обходился очень дорого или прерывался войной. Осталось еще две возможности: разводить в Византии самого шелкопряда и завязать сношения со Средней Азией непосредственно. Эти попытки и были сделаны.

ШЕЛКОПРЯД В ИМПЕРИИ

Два источника VI в. дружно утверждают, что в Византии не знали, как производится и что такое шелк, пока в царствование Юстиниана один перс не принес в выдолбленном посохе яйца шелкопряда, из которых вывелись черви и были им выпущены на тутовые листья.³ Прокопий располагает более подробным и близким к действительности рассказом. Два монаха, прибывшие из Индии (ἐξ Ἰνδοῶν), зная, что император Юстиниан находится в затруднении, в связи с тем, что персы не стали продавать ромеям шелка-сырца, предложили ему внедрить (διοικήσειν) разведение шелкопряда. Они могли это сделать, так как провели длительное время в „земле, называемой Серинда“, где они в точности изучили, как проходит вся „механика“ производства шелка.

Желая точнее определить, где именно находится Серинда, Прокопий добавляет, что это „земля, населенная многими индийскими народами“.⁴ Читать следует ἤπερ — „где“, по предложению Chavannes („Serinda“ dans lequel se trouvaient en grand nombre des

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды II сессии арабистов. Л., 1940.

² Nonnos. Excerpta, p. 470.

³ Theophanes Byzantius. Excerpta, ed. Dindorfi, Bonn, p. 484.

⁴ Procopii. De bello Gothico, 4, 17, ed. Haury, II, p. 576—577.

populations hindoues“)¹. Эта поправка не обратила на себя внимания Haury — он пишет ὑπερ. Очевидно, речь идет о северной Индии, или об одном из оазисов „шелковой дороги“, известных теперь благодаря замечательным разысканиям и исследованиям выдающегося ученого Aurel Stein, особенно труд, который он так и назвал “Serindi“.

Юстиниан, повидимому, придавал большое значение предложению монахов и тому, что шелк действительно является производным самой природы или естества червей τῆς φύσεως αὐτῶν διδασκάλου τε οὕτως. Привезти живых червей невозможно, но их зародыши или яйца могут выдержать длинное путешествие, притом каждый червь кладет множество яиц, а сохранить их можно, закопав в навоз. Юстиниан обещал монахам дары, если они приведут в исполнение обещанное.² Тогда они предприняли вторичное путешествие в Серинду и, вновь (αὐδὲς) побывав там, вывезли яйца шелкопряда в Византию. Черви вывелись и были выпущены кормиться на тутовые листья. Они окуклились и дали шелк. Принимая во внимание, что Проконий ставит это свое сообщение в связь с ирано-византийскими войнами, и то количество времени, которое требуется для путешествия в Среднюю Азию или северную Индию, первое путешествие монахов могло иметь место в 550 г., второе в 552 г., а их возвращение в 553 или 554 г.³ Торговля со Средним и Дальним Востоком и тогда, как и позднее, была в руках главным образом несторианских купцов, как сирийцев, так и персов; языком их обычно был сирийский. Эти торговцы-путешественники и смогли завезти в Византию шелкопряда. Вопрос только — откуда они его вывезли?

Источники разноречивы. Феофан Византиец говорит, что они пришли ἐκ Σηρῶν — „из страны серов“. Судя по тому, что он же говорит, что торговые города и гавани „серов“ принадлежали сначала персам, а затем перешли к тюркам, не может быть, чтобы подразумевались китайские города и гавани. У Прокония фигурируют два названия: Индия (ἐξ Ἰνδῶν) и Серинда (Σηρίνδα). Следовательно, не Китай, а либо области северной Индии, либо Средней Азии. Наиболее вероятно, что речь идет о городах, торговых центрах и гаванях, которые были вовлечены в торговлю шелком, а это в первую очередь были среднеазиатские, согдийские центры, политическое господство над которыми перешло от кушан к эфталитам, а

¹ Chavannes. Documents sur les Turcs occidentaux (Труды Орхонтской экспедиции. Т. VI.), p. 233 (1).

² Procopii. De bello Gothico, 4, 17, ed. Haury, II, p. 576—577.

³ Henning, Die Einführung der Seidenzaupenzucht im Byzantinerreich. Byz. Z., 1933, B. 33, p. 309—310.

Mickwitz. Die Organisationsformen zweier Byzantinischen Gewerbe im X Jahrhundert. Byzantinische Zeitschrift. 1936, B. 36, H. I., p. 70—76.

от них к тюркам. Сюда-то и прибыли персы-монахи и отсюда могли вывезти шелкопряда. Серинда — это перепутье между Дальним и Ближним Востоком, та Средняя Азия, в которой трудолюбивые согды занимались ремеслом и торговлей.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ ШЕЛКОМ

В VI в. Средняя Азия пережила новую смену кочевого владычества. Наследники Кушанского царства в V в. эфталиты, разбитые персидским оружием в VI в., были вынуждены уступить свое место тюркам. Во второй четверти VI в. один из эфталитских царей, стремясь захватить северную Индию, выступил с многочисленной конницей и 2 сотнями слонов. Этот поход белых гуннов-эфталитов с Галласом имел своей главной целью богатую добычу. Лет 30—40 спустя они были вынуждены двинуться тем же путем, уже теснимые персами и потерпевши поражение от тюркских орд.

„Новыми господами“ Средней Азии стали тюрки. Под их властью оказались согдийцы, занимавшие ее главные культурные области.

Немногие сведения, которые могут быть получены из источников того времени, говорят о своеобразном положении согдов. Они жили на большой караванной дороге, которая справедливо получила название „шелковой“. Первоначально согды продавали лишь плоды своего сельского хозяйства, отчасти своих ремесел. Начав с посреднической торговли шелком, они сами переходят затем к изготовлению и выделке тканей из него, заимствуя их украшение, расцветку, рисунок из обихода своих потребителей, стремясь дать то, что могло найти сбыт. В этом отношении исключительно красноречивы и показательны археологические данные на всем протяжении шелковой дороги от Китайской стены до берегов Нила.

Погребения в Лу-Лане, на северной окраине пустыни Лоб-нор (на юге от Турфана), где датированные китайские документы III в. являются *terminus post quem*, свидетельствуют о том, что торговый обмен носил двухсторонний характер, так как в некоторых могильниках находятся не только шелковые, но и шерстяные ткани. Кусок ковра в одном из них, несомненно, является выделкой Таримского бассейна, откуда вышли и другие шерстяные ткани погребений Лу-Лана. Вдоль реки Тарим города и селения с древнейших времен выделывали шерстяные ткани, в частности появившиеся кипорного тканья, *twill weave*, намечается здесь раньше, чем в Китае. Этот способ выделки шерстяной ткани был принят в Китае для шелка. Рисунки шерстяных тканей из Лу-Лана Augel Stein называет „эллинистическими“, а сохранившуюся часть лица, вытканного на одной из них, считает принадлежащей „греко-буд-

дийскому типу".¹ Шерстяные ткани Таримского бассейна находили сбыт за своими пределами, и в частности, в Китае. На одной из них техника, выделка которой близка коптской, имеется типичное китайское изображение птицы на лошадиных ногах.² Таким образом, для времени до IV в., на основании археологических данных, можно видеть, что „эллинистические“ рисунки и техника работы приносились с шерстяными тканями, производившимися в Средней Азии. „Китайские мотивы“ несли красочные и фигурные шелка от „серов“.

Для VI—VII вв. раскопки в Астане (Турфан) дают материал безошибочно указывающий на то, что шелк стал предметом выделки в Средней Азии. В могильниках Астаны умершему обычно закрывали лицо платком. Большинство из этих платков представляет собою многокрасочные шелковые ткани с типично „сасанидскими“ изображениями.³ Шелковая ткань, которая имеет персидский рисунок, точно датируется найденным в той же гробнице китайским документом от 8 декабря 667 г. На тесную торговую связь Византии и Китая, посредницей в которой была согдийская Средняя Азия, указывает и нумизматический материал. При захоронении умершего часто клали ему в рот монету, иногда ее клали на глаза. В одном случае были найдены монеты из серебра Хосроя Анушервана (531—579 гг. н. э.) и Хормизда IV (579—590 гг. н. э.) и медная китайская монета, которая „выделана династией Суй“ (581—618).⁴ Так как в Китае серебряной и золотой монеты не знали, то мертвому клали монету западного, византийского, или персидского образца или ее подражание. В двух могильниках Астаны найдены имитации золотых монет, одна Юстиниана I (518—527), другая Юстиниана (527—565).⁵

Таким образом, археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани.⁶ Образцы согдийского шелка доходили и до Дун-Хуана, к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было мощным, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы. Если первоначальным материалом служила шерсть — местное сырье, которое поставляли скотоводческие

¹ Stein. Serindia. Oxford, 1921, v. II, p. 907—909; егo же. Innermost Asia, p. 241.

² Stein. Innermost Asia, p. 242, 244.

³ Stein. Innermost Asia, v. III, p. 79—80.

⁴ Stein. Innermost Asia, p. 647, 993—994; v. III, pl. 119, № 3.

⁵ Ibid., v. III, pl. 120.

⁶ Migeon. Les arts de tissu, p. 9.

районы Средней Азии, то затем торговля с Китаем дала согдийцам в руки превосходную для выделки и окраски шелковую нить. О том говорят шерстяные ткани с „эллинистическими“ рисунками и многоцветные шелка с „иранскими“ узорами. Внедрение шелка в мастерские Средней Азии следует отнести к периоду между концом IV и концом V вв. н. э. Смена кушан эфталитами, эфталитов тюрками вызвала временное замешательство,¹ затруднения, но затем согдийцы продолжали свою хозяйственную жизнь, выращивая сельскохозяйственные культуры и занимаясь ремеслом. В сношениях с тюркскими ордами, как и с эфталитами, согдийская верхушка выдвигала представителей, которые вели все переговоры. Она добилась возможности участвовать вместе с тюркскими послами в переговорах с соседними державами, с Ираном и Византией. Материальная и духовная культура согдов достигала большой высоты. Пользуясь арамейским алфавитом, близким к сирийскому письму эстрангело, они писали на своем языке. Преимущественно это памятники манихейства, о распространении которого у согдов говорят письменные источники. Многочисленные рукописи, написанные этим своеобразным почерком, так и сохраняют название „согдо-манихейских“. Их культура окрашена этой гностической идеологией, испытывавшей на себе влияние различных течений, так легко проникавших на великую „шелковую“ дорогу. Вместе с товарами привозили сюда учение буддийских монахов, христианское сектанство, брахманизм, но в раннем средневековье было особенно широко распространено манихейство. Между прочим, об этом говорит факт, который до сих пор остался незамеченным. Видный согд, несший представительство при тюркском кагане, носил имя Маниах. Значение этого имени — „брат Мани“² — говорит как о почитании имени основателя манихейства, так и о связи этого учения с ближневосточной средой, говорившей на арамейских диалектах, где и сложилось самое имя Маниах. Несомненно, что носитель этого имени сам был манихеем и принадлежал к последователям этого широко распространенного у согдов учения.

Персы считали согдов очень серьезными соперниками как в посреднической торговле шелком, так и в торговле шелковыми изделиями, вышедшими из их ремесленных мастерских. Не желая допустить их участия в торговых операциях, персы пошли на крайние меры, не соглашаясь принимать сырец из рук согдов. Сменившие эфталитов тюрки, не вышедшие еще из полукочевого состояния, не были склонны

¹ Тюркское происхождение эфталитов отстаивают Fray and Sayili. *Turks in the middle east before the Saljuqs*. *Journal of the American oriental society*, 1943, v. 63, № 3, p. 195—196.

² Mani и ah — общесемитическое брат.

к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных согдийцев они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран.¹ Выражение Менандра, что тюркский каган Дизибул разрешил согдийцам послать посольство самим, говорит о том, что они пользовались известной самостоятельностью. Согдийское посольство, возглавляемое Маниахом, просило у Хосроя разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве. Хосрой прямого ответа на их просьбу не дал и стал затягивать дело. Он менял предлоги, одним из которых было якобы нежелание допустить свободный въезд тюрок в пределы Ирана. Согдийцы настаивали на скорейшем ответе, тогда Хосрой решил созвать заседание совета — *τότε Χοσρόης ἐκκλησιάσας ἀνελογίζετο.*² Очевидно, что это было одно из заседаний совета при государе, нечто вроде сената при византийских императорах, на которых обсуждались важнейшие государственные дела. Совет был лишь совещательным органом при шахе.³

Наиболее горячее участие в решении этого вопроса принял эфталит Катуйльф. Принять шелк из рук согдийцев в Персию значило допустить эту торговлю, допустить конкуренцию с персидскими купцами. Повидимому, Хосрой не был к этому склонен, поэтому Катуйлфу удалось настоять на особенно болезненной для согдийцев форме отказа. Привезенный ими шелк был закуплен шахом, но затем его сожгли в присутствии послов. Этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрок. Согды возвратились из своего посольства недовольными и сообщили о происшедшем Дизибулу, тюркскому кагану. Но тюрки, — возможно, под влиянием тех же согдов, — решились на повторное посольство к персам. На этот раз посольство состояло из тюрок. Опасаясь их и желая положить конец повторным приездам тюрок, Хосрой приказал отравить тюркских послов. Он сделал это также согласно желанию персидской знати и упомянутого эфталита Катуйльфа. Для Ирана тюрки не представляли, следовательно, желанных союзников. А для торговли согдийцы представляли опасную конкуренцию; таким образом, отказ от дружественной политики на восточной границе для Ирана был достаточно мотивирован.

Пользуясь неблагоприятными отношениями между тюрками и персами, согдийцы обратились к кагану с просьбой дать им

¹ Menander. Excerpta, II, 450.

² Ibid.

³ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. 1946.

возможность вести торговлю с Византией. Они считали, что сбыт шелка пройдет там особенно успешно, так как ромей и персы были главными его потребителями. Вел эти переговоры тот же Маниах, предложивший отправить в Константинополь посольство, в котором он предполагал участвовать сам. Дизибул согласился на это предложение, несколько тюрок и Маниах пустились в путь. Они везли с собой царские послания, которые ромей считали „скифской грамотой“, скифским письмом — τὸ γράμμα τὸ Σκυθικόν. Подарки и подношения состояли из „шелка не малой ценности“.¹ Это одно уже говорит о том, что торговля шелком была движущим интересом во всем посольстве. Хотя посольство состояло из нескольких тюрок, но Маниах занял в нем, повидимому, первое место, так как он получил царские верительные грамоты и затем двинулся в путь. Они направились сухим путем, точного направления которого не сообщено; он лежал в направлении Кавказа, который посольство перевалило перед тем, как попасть в византийские области, а затем в столицу. Этот необычный и трудный путь объясняется тем, что посольство стремилось избежать дорог через Иран, который мог их вовсе не пропустить. Они, следовательно, проехали из Средней Азии, обогнув Каспийское море с севера.

В столице Маниах получил доступ во дворец, был принят императором Юстином II и передал свои предложения и послания приставленным к этому делу лицам.

Со „скифским“ письмом император ознакомился через переводчиков, а затем осведомился о том, завоеваны ли тюрками эфталиты и авары. Утвердительный ответ послов и перечисление народов, подвластных тюркам, давали полное представление о могуществе Дизибула и делали заключение договора желательным и для Византии. Юстин вошел по этому поводу в некоторые подробности, заинтересовавшись, в частности, эфталитами, относительно которых было желательно выяснить, где они преимущественно жили. Утверждение послов, что эфталиты „городское племя“ — ἀστικαί, ὃ δέσποτα, τὸ φύλον, указывало на то, что эфталиты — имели значение для культурного и хозяйственного положения Средней Азии, как (в части своей) жители городов. Это говорило и о том, что тюрки получили в свое распоряжение ремесленные и торговые города в завоеванных ими областях. Это был не только мирный договор, но и ἡ ὀμαχμία, т. е. военный союз. Направлен он был, конечно, против Ирана, во всяком случае был ему угрозой. Когда соглашение было достигнуто, тюрки и Маниах покля-

¹ Menander. Excerpta, II, 451: Καὶ δῶρα μετάξῃς, οὐκ ὀλίγον τι χρῆμα.

лись в верности этому договору. „Таким образом, народ тюрков стал дружествен ромеям“. Посольство еще находилось в Константинополе в 4-м году правления Юстина, во 2-м индигтионе и, следовательно, в 568 г., когда в августе этого года из столицы выступило византийское посольство, целью которого было посещение тюрков. Во главе посольства был поставлен стратиг восточных городов киликиец Зимарх, который двинулся в сопровождении Маниаха и его спутников. Если торговля шелком была главным мотивом для сношений с согдийцами, то и тюркские торговцы желали извлечь из дружбы с Византией пользу.

Когда после многих дней пути Зимарх и его спутники прибыли в области, населенные согдийцами (*εις τοὺς τῶν Σογδαίων τόπους*), тюрки предлагали им приобрести железо, тем самым желая опровергнуть мнение, будто тюрки не имеют его в достаточном количестве. Между тем, утверждает Менандр, тюрки располагали даже железными рудниками. Имеются свидетельства, что тюрки, еще находясь в подчинении у китайцев, работали в железных рудниках (*τῆν σιδηροφόρον*). Таким образом, не только для согдийских, но и для тюркских купцов представлялось желательным завязать и поддерживать торговые сношения с Византией. (Дизибул) Сизабул, тюркский каган, принимал посольство в палатках, увешанных разноцветными шелковыми тканями, обставленных золотыми изделиями и посудой, роскошь которых поразила даже византийских послов.¹ Ставка хана не была приурочена к одному постоянному месту. После приема Зимарха все снялись и двинулись в поход против персов; на пути они остановились в Таласе. Здесь произошла встреча кагана с персидским посольством, с которым он обменялся резкими словами и заявлениями. Представители персов также держали себя дерзко и этим только утвердили Дизибула в желании выступить против Ирана. Этот же разрыв дипломатических отношений привел к заключению дружественного соглашения с ромеями, после чего Зимарху и его спутникам было разрешено вернуться. Но кроме того, от тюрков было послано еще одно посольство, которое присоединилось к Зимарху. Первое место в посольстве занял имевший звание тархана Тагма. В связи с тем, что Маниах умер, его сын Тагма, еще юноша, был назначен Дизибулом и занял второе по достоинству место в посольстве. Он занял его и по наследству и потому, что хан считал Маниаха близким и преданным ему человеком.²

¹ Menander. Excerpta de legat., I, p. 193—194.

² Ibid., I, p. 195.

Путь Зимарха и его спутников лежал через столицу холиатов.¹ К нему присоединились и те из ромейского посольства, которые были допущены раньше и должны были встретиться с ними. Далее они направились по дороге, которая шла по линии крепостей.

Между тем входившие в состав тюркского каганата области и тяготевшие к нему соседние государственные объединения, узнав, что византийские посланцы возвращаются, а с ними и представители тюрков, сами захотели послать своих людей „для обозрения Ромейского государства“.² Но предлог этот едва ли отвечал действительности, так как Дизибул отказал в этом преимуществе всем, кроме „эгемона холиатов“. Из этого следует, что каган имел большую власть и над соседними, в сущности не входившими в состав его державы царьками, которые не смели ему не подчиниться и фактически были в его власти. Несомненно и другое: что „обозрение“ Византии имело и более практическую цель — торговые связи, в которых были заинтересованы не только тюрки, но и их соседи, в том числе хорезмийцы. Не желая иметь их конкуренции, Дизибул, вероятно, и не пожелал, чтобы они показались в Константинополе. Путь, которым возвращались византийские послы, шел по берегам Аральского моря, северному берегу Каспия, с переправой через Волгу, а затем по Северному Кавказу. От областей, занятых уйгурами, до аланов посольство продвигалось с большим опасением, так как уйгуры предупредили Зимарха о засаде, сделанной по дороге персами; поэтому они отправились из Аллании по так называемой Даричской дороге (*Δαρεικῆς ἄτραπῶς*), по которой прибыли в Апсилию.³ Повидимому, более привычной была дорога через Миусимиану, но на ней близ Свании находилась персидская засада. Чтобы отвлечь внимание последней, Зимарх направил по этой дороге десять носильщиков с шелком (*μέταξα*), которые как бы ему предшествовали.

Это сообщение говорит о том, что шелк оставался главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических сношениях Византии. Для препятствовавших этому персов торговля шелком также была основной.⁴

¹ Холиаты-хвалисы-хорезмийцы. В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море. Ташкент, 1902, стр. 29—30.

² Ibid., II, 452.

³ Ibid., II, 454.

⁴ Ibid.

Далее путь шел из Апислия до Рогатория, по Черному морю до Риона (Φάσις) и Трапезунда.¹ Последний участок пути от Трапезунда до Константинополя посольство сделало уже на казенных почтовых лошадях (οἱ δημοσίοι ἵπποι).

Не прерывались сношения с тюрками и в последующее десятилетие VI в. Союз с тюрками все время поддерживал император Юстин, который рассматривал его как опору и возможность для открытых военных действий против персов.²

Он рассчитывал, что тюрки, с одной стороны, а Византия, с другой, при совместных действиях раздавят иранское государство. Во всяком случае, во 2-м году правления императора Тиверия, т. е. в 576 г., было отправлено посольство к тюркам, во главе которого был поставлен Валентин, один из царских оруженосцев. К тому времени в Константинополе сосредоточилось большое число тюрков, прибывших туда в разное время. Сто шесть тюрков присоединилось к Валентину, когда он отправлялся к кагану.

Даже краткий перечень, который дает Менаандр, говорит о том, что сношения эти поддерживались с обеих сторон. Тюрки прибывали в столицу с возвращавшимися от них византийскими посольствами, которые названы Менаандром в следующем порядке: посольство Анангаста, Евтихия, первое посольство Валентина, Иродиана и Павла Киликийца.³ Подробностей о них он не сообщает, но посылались они после 568 и до 576 г., т. е. после возвращения Зимарха и до отъезда во второе посольство Валентина. Живая связь с каганатом преследовала цель поддержать как военный союз, так и торговые интересы империи. Второе посольство Валентина потребовало всего напряжения его дипломатических способностей и изворотливости. Сын Дизибула Турксанф справлял в момент прибытия представителей Византии погребальные тризны по отцу. Он выражал крайнее недоверие и неудовольствие двоедушной политикой своей мощной соседки. Особенно сильно был он возмущен тем, что Константинополь заключил договор с вархонитами (хионитами, входившими в аварский союз). Жалуясь на лукавство византийской дипломатии и намекая на широкое использование толмачей, с помощью которых велись переговоры со всяческими народами, Турксанф картинно положил десять пальцев своих рук в рот, чтобы

---

¹ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 29. — R. Hennig. Terrae incognitae, В. II, р. 62. — Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 76.

² Ibid., Указ. соч., II, 459.

³ Ibid., I, 203—204.

подтвердить свои слова, что „ромен употребляют десять языков и один обман“.¹

Особенно угрожающий характер носили его обещания послать вархонитам свою конскую плеть, один вид которой заставит их бежать в преисподнюю, и утверждение, что ему известны точные сведения о географии Европы. Тюркский каган говорил, что знает, где течет Днепр (Δάναπρις), куда впадает Истр (Ἰστρος — Дунай) и протекает Эброс (Ἐβρος — Марица), этим самым он указывал на путь через южно-русские степи, которыми прошли авары и славяне на Балканский полуостров.² Свои военные действия он направил на Боспор, куда еще раньше был направлен с войском один из его полководцев.

Валентин отправился еще далее, к брату Турксанфа, Тардухану, правившему тюркскими племенами „внутренних“, восточных областей. Ставка его была на Эктеле — „золотой горе“.³

Так уже в VI в. дальновидной Византии приходилось сноситься с тюрками, которые еще не были ее соседями. Они по своей многочисленности представляли величайшую опасность для Византии, когда становились ее врагами. Несколькими веками позднее именно тюркские народы окружили, а затем и поглотили Византию.

Так византийская дипломатия завязывала и развязывала важнейшие узлы торговых связей своего государства, обеспечивая его столице положение важнейшего мирового торгового рынка средневековья.

---

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., I, 205.

² Ibid., I, 206.

³ Ibid., I, 207.